

Эта часть работы выложена в ознакомительных целях. Если вы хотите получить работу полностью, то приобретите ее воспользовавшись формой заказа на странице с готовой работой:

<https://stuservis.ru/referat/408250>

Тип работы: Реферат

Предмет: Философия

Оглавление

Введение 3

1 Власть в понимании К. Шмитта 5

2 Власть в философии Джорджо Агамбена 9

3 Власть и тирания: Л. Штраус 12

Заключение 15

Литература 16

Введение

Изучение термина власти наблюдалось уже в трудах Платона и Аристотеля. Платон рассматривает власть как силу, основанную на знании правления. Власть у Аристотеля играет роль активной формы, превращающий пассивную материю в реальные предметы.

Первая специальная попытка определить власть как понятие связана с именем Т. Гоббса, который подразумевает её как наличные средства человека достигнуть в будущем некоего блага. Согласно суждению Макса Вебера, власть является вероятностью того, что человек в состоянии осуществить свою волю в социальном отношении, вопреки сопротивлению, независимо от того, на чем эта вероятность основывается.

Власть и лидерство неразрывно связаны между собой. Лидером считается лицо в группе, имеющее признанный авторитет и обладающее влиянием, которое проявляется как управляющие действия. В процессе изучения проблемы лидерства учеными было выявлено множество определений данного понятия. Принуждение – это власть, основанная на страхе.

К. Шмитт в своей книге «Понятие политического» исходит из приоритета политики над всеми сферами человеческой деятельности. Согласно автору, существует приоритет децизионизма – понятия, когда решение выше нормы, а суверен выше закона, чрезвычайность положения выше нормы .

Власть - такова исходная мысль Агамбена в книге «Суверенная власть и голая жизнь», - как, впрочем, и язык, как и бытие, имеет в себе нечто мистическое, ибо так же, как язык или бытие, она началась раньше, чем началась. Поэтому любые попытки мыслить власть «позитивно» неизбежно заканчиваются лишь продолжением самого проекта, воплощениями которого являются и фюрер, и тоталитарные практики, и гедонистическое общество потребления, и этническое регулирование, и мир «отвержения» - короче, «третий мир» .

Консервативный Штраус, будучи верен аристократически-джентельменским идеалам и проецируя тиранию на гитлеровский режим, категорически настаивает на том, что тирания нелегитимна и не спасается, поскольку устанавливается насилием и остается режимом анонии, в котором порядок, если он есть, зависит только от воли тирана, а не от закона. «Нет закона – нет свободы» поэтому интеллектual ни при каких обстоятельствах не должен сотрудничать с такой властью.

Целью данной работы является рассмотрение философских исследований власти.

1 Власть в понимании К. Шмитта

Ключевая идея для Шмитта состоит в том, что легальное, никогда не существовавшее в отрыве от легитимного, ныне не может выступать основанием для самого себя, существовать вне чьей-то воли – логика децизионизма. Правовое государство – то, в котором нормы и законы являются высшим выражением воли большинства, – неминуемо перераспределяет власть в пользу исполнителей норм и законов – бюрократии. Новая элита, бюрократия, с помощью парламента изменяет законы и даже Конституцию лишь для продвижения собственных интересов, пренебрегая народной волей, а потому, заключает Шмитт, необходим суверен – сильная фигура президента, которая, воспользовавшись предоставленной ему народом легитимностью, вернет легальное в область легитимного, обеспечит исполнение народной воли и пресечет самоуправство элит. Эта идея суверена, в котором находит средоточие единая народная воля, берет свое начало еще из «Левиафана» Томаса Гоббса,

изображенного в виде государя, чье коллективное тело состоит из делегированного ему власть, заключившего между собой общественный договор, народа. Важно учесть тот социально-политический контекст, в рамках которого

Как полагает К. Шмитт, государство уже предполагает термин «политическое». Государство – это специфическое состояние народа, которое в решающем случае – наиважнейшее. Признаки «статус» и «народ» наделяются смыслом при помощи широкого признака – политического.

Термин «политическое», как полагает К. Шмитт, нельзя приравнивать к «государственному». Чтобы понять, что представляет собой первое, нужно установить категории политики, поскольку политическое обладает своими критериями. Так, в сфере морального есть категории «доброе» и «злое», в эстетическом – «прекрасное» и «безобразное». Политическое различие политических действий и мотивов заключено в различении друга и врага, при помощи критерия. Суть различения друга и врага – обозначение интенсивности общности и разделения.

«Друг» и «враг» важно анализировать в их определенном понимании, а не как образы. Так, враг – это не тот, кто конкурирует или противостоит. Враг – это конфронтующая общность людей. Это только публичный враг, которого не нужно лично ненавидеть. Политическая противоположность представляет собой самую сильную противоположность.

Внутри государства вместе с первичными решениями политики и под защитой решения формируются разные вторичные понятия о «политическом». По началу это реализуется при помощи отождествления политического и государственного. Итог тому – противопоставление «государственно-политической» позиции партийно-политической. Происходит развитие ослабленных видов политики, где нет разделения на «друг» и «враг». Это выражается в конкуренции, интригах. Политика становится манипуляцией.

В повседневности это видно благодаря тому, что все понятия политики, слова обладают смыслом полемики, они привязываются к определенной ситуации. Они становятся призрачными, если ситуация ликвидируется. Термины «республика», «общество», «правовое государство» и др. становятся не понятными, если не понятно, кто конкретно является врагом, должен быть отрицаем или опровергаем при помощи слова. Термин «политический» также является полемическим.

Метод выражения часто отождествляет «политическое» с «партийно-политическим» и после находит выражение в убогости форм партийной политики при замещении должностей. Термин «враг» имеет в виду эвентуальность борьбы, которая располагается в сфере реального.

Любая противоположность – религиозная, моральная, этническая и экономическая – трансформируется в противоположность политическую в том случае, если она сильна для разделения людей на группы друзей и врагов. Политическое содержится не в борьбе, а в возможности поведения, которая диктуется реальностью. Религиозное сообщество представляет собой какое-то единство политического. Оно – величина политического даже тогда, когда в негативном понимании есть возможность влиять на этот важный процесс.

Политическое также извлекает силы из разных областей жизни общества, из противоположностей морали, религии, экономики. Люди делятся на друзей и врагов, и чем сильнее это разделение, тем определяющим это является для политического.

Адекватным является термин «суверенитет» как «единство». Государство обладает реальной возможностью в случае определить врага и бороться с ним. Без разницы, как будет вестись борьба. Кроме того, многочисленное количество войн в истории общества инициировало только новые формы перевороты и разделение на группы.

Государство, как пишет К. Шмитт, обладает колоссальными полномочиями: оно имеет возможности вести войну и распоряжаться открыто жизнями людей. Оно имеет право требовать от своего народа готовность к

смерти и готовность убивать врагов. Но нормальное государство должно вводить умиротворение внутри себя.

Политическое единство же имеет в виду реальную возможность врага. Пока на земле есть государство, их множество, не может быть человечества мирового «государства».

Война ведется только тогда, когда есть враг. Термин «человечество» уже исключает термин «враг».

Либерализм политические представления трансформировал. Но либералы связались с нелиберальными силами демократии. И нельзя из чистого либерализма получить политическую идею, поскольку отрицание политического в индивидуализме иницирует в практике политического недоверие всем силам и формами государства, но это не означает, что формируется позитивная государственная теория и политика.

Либеральная политика как противоположность ограничениям государства, церкви, торговли – это либеральная критика политики.

Хозяйственные противоположности стали политическими. Это говорит о том, что политическое достигается хозяйственным. Экономический империализм будет полагать, что избегание хозяйственных средств власти – разрушение чужой валюты, эмбарго на кредиты и др – это «внеэкономическое насилие».

Есть и технические способы насильственного убиения – современное оружие, что с внедрением капитала и интеллекта становится уже непригодным. И здесь К. Шмитт говорит о том, что появляются экзекуции, санкции, карательные экспедиции, умиротворение, защита договоров, международная полиция, мероприятия по обеспечению мира. Здесь противник уже – не враг, а нарушитель мира. Война принимает другие формы. Она расширяет свои экономические позиции, усиливается пропагандой. Увеличивается граница между этикой и экономикой.

Все вокруг говорят и спорят о Шмитте, трактуют и преобразовывают те или иные его идеи: одни принимают их на вооружение, другие же – с гневом отбрасывают и им противостоят.

Его теория пронизывает весь общественно-политический дискурс нашей страны через такие понятия, как «суверенитет», «легитимность», «пятая колонна» и др., а его идеи получили свое активное развитие в статьях видных российских политических деятелей, что обогатило российский политический язык на такие идеологические концепты, как «суверенная демократия» и «конституционная идентичность».

2 Власть в философии Джорджо Агамбена

«Современная демократия находится в тайном глубинном союзе с тоталитаризмом» – так звучит броский тезис, выдвинутый Джорджо Агамбеном. По мнению итальянского философа, корни этой связи находятся в самой сущности государства как института суверенной власти.

Агамбен, следуя за Карлом Шмиттом, рассматривает то, как сущность суверенной власти раскрывается в феномене чрезвычайного положения (последнее, по мнению итальянского мыслителя, сегодня является нормой, а вовсе не исключительной ситуацией). Фактически, вводя чрезвычайное положение ради сохранения порядка, обеспечиваемого государством как областью действия правовых институтов, суверен сохраняет право, осуществляя акт отмены последнего. Воля суверена, являющегося воплощением права, парадоксальным образом стоит выше права. В ситуации неразличимости между жизнью и правом, провозглашаемой с введением чрезвычайного положения, и включением «голой жизни» в сферу политического обнаруживается самая сущность суверенной власти.

Очевидно, однако, что власть как таковая реализуется в акте повеления.

Сущности повеления как феномена посвящена работа Агамбена «Что такое повелевать?» (2013).

Рассмотрение повеления Агамбен начинает, следуя методу М. Фуко, с археологического разбора понятия. Однако в самом центре исследования уже обнаруживается «апория»: в центре филологического разбора оказывается слово *arche* – оно означает не только «источник», «начало» (что отсылает нас к используемому Агамбеном методу), но и «повелевать», «зачинать».

Трактовка повеления в качестве «начала», «зачина» чего-либо переносит повеление в онтологическую плоскость. То обстоятельство, что в христианской космологии мир сотворён словом Божьим, становится тезисом, фундирующим христианскую политическую теологию. «Приказ» Бога миру быть учреждает и утверждает некоторый порядок. Агамбен приходит к выводу о том, что «в нашей культуре *arche*, исток, есть всегда уже повеление, начало есть всегда также управляющий и повелевающий принцип». Очевидную параллель здесь можно провести и с правом, учреждающим и подкрепляющим суверенное государство, правом, учреждающим саму ткань жизни современных сообществ и включающим – посредством

исключения, «ехсареге» - противоправные (то есть, казалось бы, выводящие его из зоны права как сферы присутствия правового государства) деяния индивида .

Исток продолжает «повелевать и управлять тем, что он вызвал к бытию». Здесь наблюдается параллель с концепцией «истока» (Anfang), важной для философии М. Хайдеггера. Начало остаётся действующим в том, что вызвало к бытию. Политические интерпретации понятия «истока» Хайдеггера, приводимые Агамбеном, содержат попытку отделить «начинание» от «повеления».

Лингвистический анализ повеления как высказывания может быть встречен уже у Аристотеля, на которого Агамбен возлагает вину за недостаточное внимание к повелению со стороны философской традиции. Древнегреческий философ выделяет два вида высказываний – высказывающие (апофантический) и невысказывающие - и относит повеление ко второй группе. По этой причине логика, сосредоточившись на апофантических пропозициях, оставила в стороне высказывания, не способные быть ни истинными, ни ложными - в том числе и повеления. Однако повеление как несоответствующее ничему в действительности и потому не являющееся истинным или ложным всё же имеет свое место в онтологической структуре, что и было на протяжении веков обделено вниманием философов.

Лингвистический анализ повеления был продолжен Э. Бенвенистом и Дж. Остином. Исследователи рассмотрели его в рамках выдвинутой концепции перформативного высказывания (другим видом высказываний являются нейтрально-описательные), целью которого является побуждение к действию. В соответствии с рассматриваемыми пропозициями мы получаем возможность выделить две онтологии: «онтологию «быть» и «онтологию «будь!»». Им соответствуют разные социальные институты и практики: первой - наука и философия, второй - религия, магия и право. Обе онтологии сосуществуют в «единой» онтологии Запада. Онтологизированная пропозиция «будь!», находясь в тени «онтологии «быть», приобретает особенную силу с приходом христианства. В современном мире онтология повеления постепенно замещает собой онтологию утверждения - причём в демократиях приобретает замаскированную форму «совета». Неапофантический дискурс, затемненный мнимой светскостью и секулярностью, в тайне управляет нашими сообществами, считает Агамбен.

Схоластическая философия привносит понятие «воли» (взамен безграничной «мощи» у греков»), чтобы описать законы, по которым Бог добровольно ограничивает собственную силу и создает мир именно согласно этому усмотрению (концепция *de potentia absoluta* и *de potentia ordinata*). Здесь мы обязаны искать корни «двойной модальности» изъявления воли, ставшей причиной расколотости современного индивида: вместо «я хочу» теперь он говорит «я хочу хотеть», по словам Агамбена, он оказывается в болезненной ситуации, когда «может и должен преодолеть тёмную бездну своего могущества»

3 Власть и тирания: Л. Штраус

Даже если тиран добродетелен (заботится об общем благе и владеет собой), он не может себе позволить относиться к подданным на равных, они для него в лучшем случае дети, зависящие от его отеческой милости. В античной мысли тиран нередко характеризуется как «деспот», то есть буквально господин в своем хозяйстве-оикосе, который разумно управляет домохозяевами (женой, детьми, рабами), поскольку последние в силу недостатка разума и знаний к самостоятельному целеполаганию не способны и им лучше оставаться в подчинении. Поэтому считалось, что такая модель управления не уместна в публичном пространстве полиса, где граждане отвечают за себя и равны перед законом. Если в этом смысле политическое подменяется экономическим, оно неизбежно деградирует. Подданные тирана могут благоденствовать и быть в этом смысле счастливы, могут быть принуждены к порядку и умеренности, но не могут вести в собственном смысле слова достойную жизнь, так как последняя связана с правом управлять собой и осознанно участвовать в политике. Так в чем состоит благо – в экономической и военной силе полиса или в добродетельности граждан? «Тиран вынужден освобождать рабов, но одержим желанием поработать свободных: если бы он мог дать волю своим желаниям, его рабами стали бы все» . Тиран паразитирует на страхе своих подданных перед террором и сам при этом живет в рабстве у собственного страха смерти. Такой образ жизни максимально далек от достойного, и интеллект не должен

сотрудничать с таким режимом ни при каких условиях. Еще один аргумент Штрауса заключается в том, что диалог тирана и философа по определению не может иметь характера парресии, движения к истине, высказывания нелицеприятной правды. Философ и тиран обязательно начинают друг другом манипулировать. Философ не говорит всей правды тирану в лицо, потому что боится его обидеть, он вынужден льстить и лишь косвенно наводит деспота на мысли о его собственном несовершенстве, чтобы у того возникло желание совершенствоваться. Тиран боится философа, поскольку видит в нем либо конкурента, «потенциального тирана» (вдруг знающий человек может справиться с задачами правления лучше него самого), либо манипулятора, который преследует свои интересы. Поэтому, даже умея оценить хороший совет, тиран не будет ему следовать. При всем при этом Штраус не сомневается ни в том, что поиск политического идеала есть прямая задача философии, ни в способности философа адекватно оценивать политическую ситуацию, ни в его компетентности давать дельные конкретные советы, ни в обязанности сотрудничать с властью на позициях советника и эксперта, но только когда речь идет о власти легитимной, не тиранической. Не случайно начиная с поздней античности философы начали посматривать в сторону монархического режима со все возрастающей симпатией. Ну и само собой, философское наставничество заявляет о своей ключевой роли в том, чтобы научить истинного государя нести бремя власти достойно и уберечь его от соблазна тиранических злоупотреблений. Проблема в том, что суверенный характер автократической власти как таковой не только не позволяет четко разграничить тиранический и добродетельный сценарий реализации исключительных полномочий монарха, стоящего выше закона, но и, как пишет В. Беньямин, «буквально подталкивает к тому, чтобы придать образу суверена тиранические черты». В этой ситуации философия предлагает себя в качестве критерия различия: ненависть к философам стала важной чертой портрета тирана. «Тирану, угнетателю свободного слова, стали приписывать страх именно перед духовно несгибаемым философом. Именно поэтому противники философских школ с нескрываемым удовлетворением могли указать на то, что из этих кругов выходили тираны». Кожев в полемике со Штраусом фактически не признает принципиального различия между тиранией и монархией, то есть вопрос о легитимности считает риторическим: всякая власть начинается с насилия и получает признание по факту. Будучи гегельянцем, Кожев уверен в том, что философ сам мог бы быть успешным правителем, поскольку мыслит в терминах конкретно-всеобщего, а значит, может держать в голове всю картину политического поля целиком и иметь четкий план движения в полном согласии с законами истории. Философ не может быть правителем сам только по той причине, что он смертен – ему не хватит времени на то, чтобы и мыслить, и политически действовать. Поэтому мудрец ограничивается советами правителям и правильно делает. При этом Кожев с подкупающей прямоотой говорит, что в этом желании облагодетельствовать общество проектом радикального усовершенствования философы особенно равнодушны именно к тираниям, поскольку этот режим сосредотачивает максимальную власть в руках одного лица, предпочитающего радикальную модернизацию следованию традиции. Монархи вынуждены с традицией считаться, ведь от нее в значительной мере зависит легитимность монархической власти. Либерально-демократическая политическая организация не благоприятна для философских проектов, потому что все сомневаются во всем, все во все постоянно вмешиваются, много говорят и ничего толком не делают, а если и делают, то контролировать выполнение замысла невозможно. А автократическая диктатура позволяет промять быстро и эффективно социальное поле под проект и получить результат, произведя тем самым верификацию знания. Для этого нужно лишь заполучить от имени истины и знания контроль над тираном и завести целый штат интеллектуалов, ответственных за применение всеобщего философского проекта к конкретным и частным реалиям отдельно взятой страны. И Кожев приводит два примера успешной с его точки зрения реализации масштабных философских затей на практике. Это империя Александра Македонского и молодое Советское государство.

Заключение

Рассмотрев понятие власти у двух философов – Агамбена и Шмитта, мы пришли к таким выводам:

1 Шмитт предлагает рассматривать политическое (вообще сферу политического) как ситуацию противостояния больших групп, разделенных между собой по принципу «друг - враг». При этом предполагается, что политическое, чаще всего, тождественно государственному, так как именно в государстве достигается политическое единство. Власть, по мнению Шмитта - это возможность и способность принимать абсолютные решения (не только внутри государства, но внутри государства это обозначено им как суверенитет).

2 Власть - такова исходная мысль Агамбена, - как, впрочем, и язык, как и бытие, имеет в себе нечто мистическое, ибо так же, как язык или бытие, она началась раньше, чем началась. Поэтому любые попытки мыслить власть «позитивно» неизбежно заканчиваются лишь продолжением самого проекта, воплощениями которого являются и фюрер, и тоталитарные практики, и гедонистическое общество потребления, и этническое регулирование, и мир «отвержения» - короче, «третий мир».

3 Консервативный Штраус, будучи верен аристократически-джентельменским идеалам и проецируя тиранию на гитлеровский режим, категорически настаивает на том, что тирания нелегитимна и не спасается, поскольку устанавливается насилием и остается режимом аномии, в котором порядок, если он есть, зависит только от воли тирана, а не от закона. Даже если тиран добродетелен (заботится об общем благе и владеет собой), он не может себе позволить относиться к подданным на равных, они для него в лучшем случае дети, зависящие от его отеческой милости.

Литература

- 1) Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. — М.: «Европа», 2011. — 256 с.
- 2) Агамбен Д. Что такое повелевать?// <https://predanie.ru/book/219518-что-такое-povelevat/>
- 3) Беньямин, В. Происхождение немецкой барочной драмы /В. Беньямин. - Москва: Аграф, 2002
- 4) Бобров Н. Д. Археология повеления в философии Джорджо Агамбена// МНСК-2018: ФИЛОСОФИЯ. Материалы 56-й Международной научной студенческой конференции. 2018. С. 26-27
- 5) Кожев, А. Тирания и мудрость / А. Кожев // Штраус Л. О тирании /пер. с англ. и древнегреч. А.А. Россиуса; пер. с фр. А.М. Руткевича. - Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2006. - С. 221-274.
- 6) Шмитт К. Понятие политического. М., 2011.
- 7) Штраус Л. О тирании / пер. с англ. и древнегреч. А.А. Россиуса, пер. с фр. А.М. Руткевича. - Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2006.

Эта часть работы выложена в ознакомительных целях. Если вы хотите получить работу полностью, то приобретите ее воспользовавшись формой заказа на странице с готовой работой:

<https://stuservis.ru/referat/408250>